

Финно-угристика III. Межвузовский тематический сборник научных работ, Саранск 1980. 164 с. (Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева)

Сборник открывает работа С. И. Липатова и Д. В. Цыганкина «Развитие мордовского языкознания за 50 лет» (с. 4—20). В ней указаны главные проблемы мордовского языкознания, которые были предметом исследования в последние 50 лет. Дается краткая характеристика основным научным трудам. Особое внимание обращено на достижения национальной лингвистики за последние 10 лет. Желательно в последующих выпусках сборника увидеть подобные обзоры о вкладе финно-угроведов Москвы, Ленинграда, Таллина, Тарту и зарубежных исследователей в развитие мордовского языкознания.

В довольно большой статье М. В. Мосина «Семантические соотношения (корреляции) слов в мордовских и финском языках» (с. 20—33) прослеживается развитие семантической структуры общей лексики мордовских и финского языков, показаны наряду с первичным дополнительные значения слов. На основе анализа значительного количества общефинно-угорских слов автор определил ряд семантических типов слов, что дало возможность ему выявить глубокую общность и вместе с тем семантические расхождения лексических соответствий, причины расхождения и употребляемость финно-угорских слов в сравниваемых языках. Отмечены нюансы значений слов. Так, анализируя морд. *ёнкс*, фин. *jousi*, автор определяет, что исходным значением этих слов как для мордовских, так и для финского языков было 'дуга'. Позднее в эрзянском языке появилось значение 'инструмент для бienia шерсти', в финском — 'лук', 'самострел' (*ampua jousella* 'стрелять из лука'), 'смычок', 'пружина', 'рессора'. Общим семантическим знаменателем, на основе которого возникли дополнительные значения, можно считать 'нечто дугообразное или амортизирующее'. Эрз. *ёнкс* сохранилось лишь в диалектах как 'инструмент для бienia шерсти'. Как 'дуга' оно выступает только в словосочетании *пурьгине ёнкс 'радуга'* (с. 28).

Две следующие работы посвящены заимствованию из тюркских языков. В статье «Проникновение тюркских эле-

ментов в удмуртское словообразование» (с. 33—51) И. В. Тараканов всесторонне и глубоко анализирует удмуртские имена и глаголы, образованные при помощи суффиксов тюркского происхождения. Весь материал говорит о том, что грамматический строй удмуртского языка испытал значительное влияние со стороны татарского, которое нельзя не учитывать при объяснении отдельных грамматических явлений. Н. И. Исанбаев в статье «К вопросу о проницаемости морфологических явлений при взаимодействии языков» (с. 52—60) скрупулезно исследовал заимствованные прилагательные в марийский язык из татарского. Он установил, что в условиях смешанного двуязычия большей части населения и при типологическом сходстве контактирующих языков проницаемыми могут оказаться и некоторые морфологические явления — словообразующие и формообразующие суффиксы, модель образования и употребления форм степеней сравнения. Выводы автора имеют общелингвистическое значение. В статье неточен перевод *тулыжго* 'глуповатый' (с. 58), вместо 'вялый, хилый, ослабевший, болезненный' (см. Марийско-русский словарь, Москва 1956, с. 606).

Статья Д. В. Цыганкина «Именные и глагольные основы мордовских языков в диахронном освещении» (с. 60—69) выявляет основные фонетические и морфологические процессы, определившие современное состояние именных и глагольных корней, здесь дается классификация их по структурным типам. Особенно ценно, что читатель видит как в результате исторических фонетических и морфологических изменений происходило становление именных и глагольных корней. Существенные изменения возникли в корне в связи с исчезновением конечного гласного во многих словах финно-угорского происхождения, что вызвало изменение в самой структуре слова. А это, в свою очередь, изменило морфонологию многих эрзянских и мокшанских словоформ. Судьба многих именных и глагольных основ, как убедительно показано в статье, связана с изменением общефинно-угорского заднеязычного *ŋ*

[не], рефлекс которого в эрзянском и мокшанском языках и их диалектах не одинаковы, особенно в двусложных словах: эрз. лит. *с'ед'ей*, диал. *с'ед'ев*, *с'ед'енс*; мокш. лит. *с'ед'и*, диал. *с'ид'и* (с. 65).

В небольшой статье К. И. Ананьиной «Сужение гласных именных и глагольных основ в диалектах мокшанского языка» (с. 69—74) рассматривается развитие общеморд. *ä* и *e* в мокшанских диалектах, что создало определенную последовательную систему соответствий. Сужение гласных, начавшееся в общеморд. *ä*, завершилось переходом общеморд. *e* в *и*.

До сих пор в мордовском языкознании недостаточно изучены вопросы моносемии, полисемии и омонимии служебных морфем, поэтому актуальна статья М. Д. Имайкиной «Моносемия, полисемия и омонимия служебных морфем мордовских языков» (с. 75—84). Автор тщательно проанализировала объем функций словоизменительных морфем существительного, глагола, исследовала также явление материальной недостаточности на морфемном уровне — наличие омонимичных суффиксов.

Интересна статья В. А. Ледяйкиной «Синтаксические функции причастия законченного действия с суффиксом *-зь* в эрзя-мордовском языке» (с. 84—95). Ее автор указывает, что в эрзя-мордовском языке словоформы с такими причастиями часто употребляются в функции определения, предикатива с различной формой связи.

Отдельные языковые факты из сферы наречий рассматриваются в статье Н. А. Щанкиной «Выражение пространственных отношений наречиями (на материале мордовских языков)» (с. 95—109).

Вопросы марийской ономастики, Йошкар-Ола 1980 (МарНИИ).

144 с.

Проблемы ономастики интересуют не только лингвистов, но и историков, географов, этнографов и т. д. В нашей стране изучением имен собственных усиленно стали заниматься особенно в последнее время. Исследования по ономастике ведутся и в Поволжье. Проведено пять конференций, посвященных проблемам ономастики этого региона.

Т. И. Тепляшина в статье «Отглагольная удмуртская антропонимия» (с. 109—117) дает описание удмуртских личных имен, образованных от основ глаголов. В настоящее время, пишет исследователь, образование личных имен от глаголов и отглагольных слов ушло в прошлое и используются, как правило, русские имена (с. 116).

В статье А. М. Вильдяевой «Словообразовательная структура флористических названий в мордовских языках» (с. 117—127) впервые рассмотрены структурные словообразовательные типы флористических названий и их составные модели.

В. А. Никонов посвятил свою статью «Из географии мордовских фамилий» (с. 127—132) истории некоторых фамилий и показал частотность употребления их на территории Мордовской АССР.

Сборник завершают две рецензии. В первой (А. П. Феоктистов, Важные исследования по финно-угорским языкам) показана новизна и ценность материалов, легших в основу рецензируемых работ: Д. В. Цыганкин, Грамматические категории имени существительного в диалектах эрзя-мордовского языка (определенности — неопределенности и притяжательности), Саранск 1978; П. Н. Лизанец, Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья: Венгерско-украинские межязыковые связи, Будапешт 1976; L. Országh, Angol eredetű elemek a magyar szókészletben, Budapest 1977. Вторая рецензия (автор П. С. Кудяев) посвящена монографии Р. Н. Бузаковой «Синонимы в мордовских языках» (Саранск 1977).

НИНА АГАФОНОВА (Тарту)

В 1980 году Марийский научно-исследовательский институт при Совете Министров Марийской АССР издал второй выпуск «Вопросов марийской ономастики». В этот коллективный труд вошли публикации, посвященные различным аспектам марийской ономастики: топонимике, фитонимике, антропонимике. В данном выпуске, в отличие от первого (1978), впер-